

не поражает ни яркостью, ни густотою красок. Мягко намечаемые контуры, ласкающие пятна светотеней, робкая нежность колорита, умеренность безыскусственной композиции, а главное, необычайная чистота, даже как бы целомудренность общего тона...» Особо оценивает критик искусство автора в изображении пейзажных картин, он «по праву должен быть причислен к заметнейшим современным русским мастерам пейзажа». Вопреки мнению некоторых критиков, утверждающих влияние на Р. бунинской манеры письма, В. Амфитеатров считает, что «кисть его скорее Зайцеву, чем Бунину».

Перу Р. также принадлежит сб. рассказов «Ведьма» (Шанхай, 1939), многочисленные путевые очерки, цикл воспоминаний о А. И. Куприне, рецензии на книги эмигрантских писателей (И. Шмелева, Тэффи и др.), интервью с деятелями культуры (в частности с Ф. И. Шаляпиным). Будучи сотрудником газ. «Возрождение», Р. был близко знаком почти со всеми известными писателями русской эмиграции. Он активно участвовал в культурно-общественной жизни парижских эмигрантов, являясь членом Союза русских писателей и журналистов в Париже, регулярно выступал с чтением своих произведений в различных лит. объединениях («Очаг русской культуры», Общество русских студентов для изучения и упрочения славянской культуры (ОРСИ УСК), Тургеневское артистическое общество и др.). В «Русском клубе» и др. лит. салонах неоднократно устраивались творческие вечера Р.

Деятельная натура привела его в 1930 в масонскую ложу «Северное сияние», откуда в 1935 он был исключен. Но при всем его погружении в эмигрантский мир в нем живет неистребимая тяга к земле отцов, к России. Р. дважды в начале 1930-х обращался с просьбой о возвращении на родину, но оба раза ему было отказано.

В годы фашистской оккупации Франции он становится участником Сопротивления. Активно сотрудничает в подпольной газ. «Русский патриот» (Париж, 1943–45), в 1944 Р. принимает участие в августовском восстании в Париже. О героических днях французского Сопротивления, об его участниках — французах и русских — он поведал в «Парижском дневнике» (Рукопись хранится в РГАЛИ. Ф. 2204). Был награжден орденом Почетного легиона.

В 1946 Р. получает советский паспорт и вместе с первой группой реэмигрантов в составе 360 человек возвращается в Советский Союз. На родине Р. публиковал очерки и рас-

сказы в ж. «Новый мир», «Огонек», «Смена» и др. В «Журнале Московской патриархии» он напечатал цикл статей о русском церковном зодчестве. Но надеждам на полную реализацию своих творческих планов не суждено было сбыться. Самое заветное и дорогое Р. произведение — «Парижский дневник» при обсуждении на секции прозы Союза советских писателей получил свирепый идеологический разнос (Стенограмма заседания. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 20. Ед. хр. 21). Та же участь постигла небольшой, подготовленный к печати сб. рассказы о животных. М. М. Пришвин в письме к Р. не только положительно оценил эти рассказы, но и предсказал их судьбу: «Рассказы Ваши читал с удовольствием, все они исполнены под диктовку искреннего чувства любви к животным. И только вспомнив себя советским гражданином, понял, что за всеми этими трогательными животными стоит человек одинокий, обиженный, глядящий в душу животного, как в зеркало. В наше время у нас таких настроений избегают и рассказ Ваш напечатать где-либо трудно». (РГАЛИ. Ф. 2024. Оп. 3. Ед. хр. 168).

Соч.: Горнее солнце. Париж. 1928; Журавли. Белград, 1930; Белая сирень. Париж, 1937; Ведьма. Шанхай, 1939; Черный лагерь // Новый мир. 1947. № 4; Будни черного континента // Мир приключений. М., 1957. № 3; В рядах Французского Сопротивления: («Парижский дневник» Н. Я. Рощина): [Отрывки] // Встречи с прошлым. М., 1958. Вып. 3; Письма // Весна пришла. Смоленск, 1959; Воспоминания о Бунине и Куприне // Вопр. лит.-ры. 1981. № 6; Парижский дневник // Встречи с прошлым. М., 1986; И. А. Бунин — Н. Я. Роштин: История одной переписки // Вопр. лит.-ры. 1998. Март-апр.; Мой Куприн: Воспоминания // Москва. 1999. № 8.

Лит.: Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и др. архивные материалы / под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне, 1977–82. Т. 1–3; Кузнецова Г. Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад. М., 1995; Айхенвальд Ю. [Рец.: Горнее солнце] // Руль. 1928. 19 сент.; Пильский П. [Рец.: Горнее солнце] // Сегодня. 1928. 3 окт.; Адамович Г. [Рец.: Горнее солнце] // Последние новости. 1929. 3 янв.; Чебышев Н. [Рец.: Журавли] // Возрождение. 1931. 26 марта; Час-синг Л. [Рец.: Журавли] // Мир и искусство. Париж. 1931. № 9; П. [Пильский П.] [Рец.: Журавли] // Сегодня. 1931. 12 авг.; А. М. [Рец.: Белая сирень] // Иллюстр. Россия. Париж. 1937. № 42; Пильский П. [Рец.: Белая сирень] // Сегодня. 1937. 2 авг.; Резникова Н. [Рец.: Белая сирень] // Рубеж. Харбин. 1938. № 7.

Л. Г. Голубева

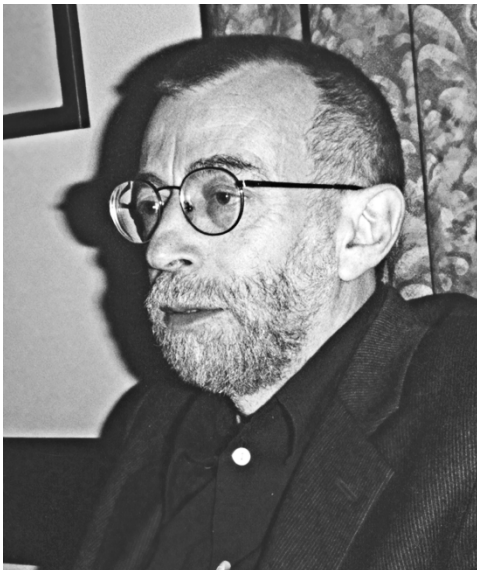
РУБИНШТЕЙН Лев Семенович [19.2.1947, Москва] — поэт, эссеист.

В 1971 окончил филол. ф-т Московского педагогического ин-та им. В. И. Ленина. По профессии библиотечарь, долгое время работал в библиотеке ин-та каталогизатором.

Пишет с конца 1960-х («Сочинять я начал достаточно поздно. Не как обычно, в школьные годы <...> а уже студентом») в основном под влиянием американского поп-арта «с его идеей серийности», отчасти под влиянием лит. творчества композитора-авангардиста Джона Кейджа. В 1970–80-е принадлежал к худож. и поэтическому андеграунду. По характеру работы и вследствие эксперимента с «носителями текста» свои первые сочинения записывал на библиографических карточках, стал создателем поэтической системы «стихи на карточках», «жанра картотеки» или «каталога», оригинального жанра, возникшего на границе вербальных, изобразительных и перформативных искусств.

Первые публикации (по-русски и в переводах) появились на Западе в конце 1970-х. Первые публикации в России — в начале 1980-х (**Это все** // Ковчег. 1981. № 6; **Всюду жизнь** // Эпсилон-салон. 1986. № 3). С сент. 1991 член СП России.

Р.— один из самых ярких и интересных представителей современной концептуальной поэзии. Участник и один из «отцов-основателей» группы московского поэтического концептуализма «Альманах» (вместе с Д. Приговым, Т. Кибировым, М. Айзенбергом, С. Гандлевским и др.). М. Эпштейн на-

Л. С. Рубинштейн

звал концептуальную систему Р. (в сравнении с Приговым) «более жесткой версией концептуализма». В. Летцев увидел различие двух представителей одного направления в том, что у Пригова «этический» вариант концептуализма, у Р.— «гностический».

Стихи Р. представляют собой образец «каталожной» поэзии, где каждый текст или фрагмент текста в оригинале располагается на отдельной карточке. Наиболее предпочтительными способами полиграфического воплощения такого рода поэзии Р. считает следующие: книга в виде кассеты со стопкой карточек, читатель перебирает их одну за другой; обычная книга, где каждый фрагмент, сколь бы мал он ни был, печатается с новой страницы; фрагменты, объединенные на одной странице, печатаются в специальных рамках, свидетельствующих об их отделенности друг от друга.

Текст на отдельной карточке, как правило, представляет собой прозаический фрагмент, однако воспринимается как поэтически организованный текст, т. к. единицей сопоставления и выравнивания этих сравнительно коротких отрезков, речевых «квантом» оказывается не строка, но карточка. «Членение на карточки превращает тексты Рубинштейна <...> в стихи. При этом количественный диапазон, в котором располагаются фрагменты, оказывается весьма широким: от восьми–десяти строк прозы... до двух слогов... ряда точек или написанного на отдельной карточке слова „Пауза“...» (А. Зорин). Так, в поэме **«Появление героя»** (1986) при всей видимой простоте, обычности и узнаваемости используемых Р. устойчивых языковых формул значительная часть поэмы (94 строки) написана четырехстопным ямбом с мужским окончанием, т. е. знаменитой «онегинской строкой»: «система включает в себя только то, что способствует определенной ритмической организации. Ритмические колебания образуют нечто подобное внутренней мелодии» (М. Айзенберг): «Ну что я вам могу сказать? / Он что-то знает, но молчит. / Не знаю, может, ты и прав. / Он и полезней, и вкусней. / У первого вагона в семь. / Там дальше про ученика. / Пойдемте. Я как раз туда <...>». Р. не строит последовательный сюжет из «ходовых формул» повседневного речевого поведения, но монтирует строки внешне беспорядочно, поэтому по своей внешней форме «каталожная» поэма Р. может быть воспринята как некий бессвязный набор речевых штампов (М. Айзенберг: «„мудрые“ афоризмы чередуются с совершеннейшей ерундой»). «Карточки» как будто объединены и распо-

ложены хаотично, без видимого смысла. Однако текст Р. организован и представляет собой монолог, диалог или полилог, в котором за множественностью голосов всякий раз звучит некий отдельный голос, ничем от других не отличающийся и потому звучащий полифонично: говорящий от своего имени и от имени всех др. голосов одновременно. Полифоническое начало порождает представление о хаосе, о «вавилонском столпотворении», где в основе лежит не просто смешение языков, но смешение смыслов, стилей, точек зрения, что являет, с одной стороны, языковую игру, с другой — один из возможных вариантов авторского представления о совр. мире.

«Каталожные» тексты Р. имеют собственную внутреннюю логику саморазвития, законы моделирования смысловых пространств, порождения субъектных миров. «Картотечный» принцип их построения заранее программирует и предопределяет то, что на последовательно расположенных карточках оказываются тексты, близкие друг другу не только по каким-либо формальным элементам (повторяющиеся слово, интонация, мысль, структура и т. п.), но и близкие по смыслу, а точнее, взаимозависимые на уровне смысла. Единство смысла не сразу уловимо и различимо, но оно формируется с первых строк-текстов, оформляется исподволь, незаметно, но неизменно. Взаимопоследовательность тривиально шаблонных речевых формул, их неожиданное разморасположение порождает новые смыслы и конструирует собственную поэтически-философскую модель мира, опорными точками которой у Р. становятся на содержательно-смысловом уровне постмодернистские относительность, хаотичность и алогичность, на формальном — концептуалистская диффузия стилей, игра на всех уровнях, растворение субъекта в объекте (и наоборот), стирание границ между автором и героем и т. д. Однако при всей внешней нетрадиционности формы поэзии Р. не деконструктивна, но созидательна, она не изымает смысл из слова, а порождает его. «Терпение и только терпение — или — только теперь начинаем что-то понимать <...>» (**«Это интересно, или Есть из чего выбирать»**).

В 1994 Р. был стипендиатом DAAD в Берлине. Лауреат мн. лит. премий, в т. ч. премии А. Белого за 1999 (в номинации «критика» за сб. эссе **«Случаи из языка»**), премии ж. «Новое лит. обозрение» «Новый сладостный стиль» за 2001 (в номинации «практика»), «Либерти» за 2003.

Обозреватель газ. «Коммерсант-Daily» (1995), «Еженедельного ж.», еженедельника «Политбюро», ж. «Итоги» (1996–2001). Д. Годер (заведующий отделом искусства ж. «Итоги»): «У Рубинштейна совершенно особый слух; замечает, что вывеска написана четырехстопным ямбом, а надпись на спичечном коробке похожа на перевод с японского <...> Рубинштейн — любитель „маленькой словесности“: заметок фенолога и „нармудов“ (народных мудростей) из отрывных календарей, сезонной лирики на этикетках, „концептуальных“ объявлений на забегаловках, „телефонного“ и „транспортного“ фольклора. Все это он называет „случаи из языка“».

В Интернете имеет «Авторскую колонку Льва Рубинштейна», где ведет рубрику «необязательных» наблюдений о культуре. Член русского ПЕН-центра. Живет в Москве.

Соч.: Маленькая ночная серенада. Мама мыла раму. Появление героя. М., 1992; Все дальше и дальше: Из большой картотеки. М., 1995; Регулярное письмо. СПб., 1996; Случаи из языка / илл. О. Флоренской. СПб., 1998; Домашнее музицирование. М., 2000.

Лит.: Летцев В. Концептуализм: чтение и понимание // Даугава. 1989. № 8; Зорин А. Каталог // Лит. обозрение. 1989. № 10; Зорин А. «Альманах» — взгляд из зала // Личное дело №. М., 1991; Курицын В. Данный момент. О сочинении Л. Рубинштейна «Программа совместных переживаний» // Новое лит. обозрение. 1995. № 16; Васильев И. Русский лит. концептуализм // Русская лит-ра XX века: направления и течения. Вып. 3. Екатеринбург, 1996; Берг М. Последние цветы Льва Рубинштейна // Новое лит. обозрение. 1998. № 30; Александров В. Лев Рубинштейн — это Ницше из обычной коммунальной квартиры // Независимая газ. 2000. 25 мая; Эпштейн М. Постмодерн в России. Лит-ра и теория. М., 2000; Курицын В. Пустой Рубинштейн приглашает Вас внутрь Вашего тела // Курицын В. Русский лит. постмодернизм. М., 2001; Богданова О. «Прозо-драматургическая» поэзия Льва Рубинштейна // Богданова О. Постмодернизм и совр. лит. процесс. СПб., 2004.

О. В. Богданова

РУБЦОВ Николай Михайлович [3.1.1936, с. Емецк Архангельской обл. — 19.1.1971, Вологда] — поэт.

Предки Р. были крестьянами, оказавшимися в годы коллективизации в Вологде. Гонимые нуждой, они поселились в Емецке. Дом, где прошло самое раннее детство будущего поэта, стоял на старинном архангельском тракте. Здесь семья Рубцовых прожила всего лишь около года, переехав сначала в Няндому, а затем в Вологду. В годы Великой Отечественной войны Р. осиротел.